

Краткий толковый словарь тюремного мира [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prison.org/nravy/dictionary/index.htm>. [КТСТМ]

Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. Т. 3-4. М.; Л., 1935.

Щепанская Т. Б., Шангина И. И. Пол и народная культура // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005.

Е. Н. Иванова
(Вологда)

СТРУКТУРА И ГЕОГРАФИЯ НЕКАЛЕНДАРНЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ КОНЦА XIV – XV ВЕКА

Анализируя структурные особенности некалендарных личных имен, отмеченных в памятниках письменности старорусского языка, исследователи обычно выделяют деривационные типы антропонимов: личные имена, возникшие в результате словообразовательной деривации и личные имена, образованные в результате процесса семантической деривации, представленной в антропонимии как переход апеллятива в оним [Смольников 1996, Комлева 2004]. Система некалендарных личных имен древнерусского языка значительно отличалась от антропонимической системы старорусского периода. В процессе структурного анализа древнерусских некалендарных личных имен возникает ряд сложностей, связанных с тем, что антропонимическая система древнерусских памятников письменности включала в себя как личные имена, образованные по праславянским и индоевропейским моделям, так и новообразования, возникшие в древнерусском языке.

В данной работе типы некалендарных личных имен, отмеченных в белозерской актовомой письменности, разграничиваются с учетом формально-морфемной структуры антропонимов. Формальный подход к описанию структуры некалендарных личных имен использовался в работах С. Роспонда, М. Вуйтовича, А. А. Зализняка, посвященных анализу антропонимии древнерусского языка [Роспонд 1965; Вуйтович 1986; Зализняк 1995]. Для анализа также привлекались личные имена, реконструированные на основе патронимов и посессивных топонимов.

В данной статье структура антропонимов описывается в тесной связи с фактами культурной истории края, повлиявшими на формирование антропонимической системы. Как известно, древнейшие миграции славян на территорию Белозерского края шли в двух направлениях – с запада (Новгородская республика) и с юга (Ростово-Суздальская земля). В монастырских актах отмечены имена-компози́та, широко распространенные в новгородской антропонимии древнейшего периода.

В исследуемом материале представлены двуосновные личные имена: *Милобуд* (*Милобудово* – АСВР 2, 275, 1488), *Вячеслав* (*Вячеславская земля* АСВР 3, 272, 1497), *Володимер* (*Володимер* Григорьев сын Семенова – АСВР 2, 258, ок. 1480–83 гг.). А. А. Зализняк, исследуя антропонимикон новгородских берестяных грамот, отмечает непродуктивность данного структурного типа антропонимов уже в XI–XIV вв. [Зализняк 1995]. По данным А. А. Зализняка, в текстах новгородских берестяных грамот, датированных XIV веком, имена-композиата составляют 21 %, в XV веке доля людей с такими именами в общей совокупности людей с некалендарными именами составляет 0%. Следовательно, двуосновные личные имена были «занесены» из пределов Новгородской земли в Белозерский край до XIV века.

В исследуемых текстах отражены модификаты сложных личных имен с продуктивными в новгородской антропонимии суффиксами *-ыня*: *Добрыня* (*Добрыня Филимонов брат* – АСВР 2, 58, 1428–34 гг.), *-ило*: *Добрило* (*деревня Добрилово* – АСВР 2, 290, 1492 г.), *Игнат Добрилов* – АСВР 2, 230, ок. 1475–80 гг.), *-ата*: *Милята* (*деревня Милятина* – АФЗХ, 1495 – 1511 гг.), *Вышата* (*Вышатинская пустошь* – АСВР 2, 120, 1448–70 гг.), *Жирята* (*деревня Жирятино* – АСВР 2, 86, 1435–47 гг.).

В исследуемом материале практически все сложные личные имена и их гипокористические формы реконструируются на основе топонимов, поэтому можно предположить, что появление имен-композиата в антропонимии Белозерского края относится к эпохе заселения района Белого озера новгородскими словенями.

В нашем материале отмечены приставочно-корневые личные имена с формантом *-не*: *Невзор* (*Невзор* Дудяков – АСВР 2, 260, 1482 г.), *Некрас* (*Некрас* Скоков – АСВР 2, 260, 1482 г.), *Неклюд* (*Неклюд* Окинфов – АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 г.). Как отмечает С. Роспонд, «это была очень продуктивная структура, известная всем индоевропейским языкам» [Роспонд 1965: 14]. Приставочно-корневые имена широко представлены в древней новгородской антропонимии. Формы с отрицанием отмечены в текстах новгородских берестяных грамот и т. д. По наблюдениям С. Роспонда, данный тип отличался высокой продуктивностью в западнославянских языках [Роспонд 1965: 15].

Личные имена, морфологически подобные причастным формам, С. Роспонд относит к числу суффиксальных образований. Имена, равные причастиям, отмечены в нашем материале: *Стоян* (*Семен Стоян* – АСВР 2, 263, 1482–84 гг.), *Пытан* (*Сенка Пытан* – АСВР 2, 290, 1492 г.). *Резан* (*Наум Резанов* – АСВР 2, 6, 1397–1410 гг.). Имена-причастия на *-нь* были широко распространены в новгородской антропонимии древнейшего периода. Как отмечает С. Роспонд, имена на *-нь* не были продуктивны у восточных славян [Роспонд 1965]. Причастные имена с формантом *-тъ*

отмечены в западнославянских языках: польск. *Poznan, Stojan* [Роспонд 1965: 21]. Появление префиксальных и отпричастных имен в Белозерье, вероятно, связано с влиянием древненовгородской антропонимической системы.

Двуосновные, приставочно-корневые, отпричастные имена образованы по архаичным непродуктивным структурным моделям, известным праиндоевропейскому и праславянскому языкам. Отмеченные личные имена широко представлены в текстах древнейших памятников письменности [Роспонд 1965, Зализняк 1995]. По данным исследований [Комлева 2004, Чайкина 2005], в старорусских источниках количество личных имен данных типов значительно сокращается (исключение составляют приставочно-корневые имена, не утратившие продуктивности).

В текстах монастырских актов представлены имена, равные этнонимам: *Гречин* (Тимофей *Гречинов* – АФЗХ, 287, 1461–64 гг.), *Чудин* (*Чудинов* остров – АСВР 2, 168, 1455–75 гг.), *Черкас* (Павел *Черкасов* – Арх. еж., 1, ок. 1340–1370-х г. – до 1380 г.), *Пермин* (*Перминовская* земля – АСВР 2, 264, 1440 г.), *Мордвин* (пустошь *Мордвина* – АСВР 2, 192, 1491 г.). В памятниках монастырской деловой письменности зафиксированы модификаты личных имен данного типа с формантом *-к(о)*: *Чешко* (АСВР 2, 5, 1397–1410 гг.), *Чудко* (Федко *Чудков* – АСВР 2, 310, 1505 г.).

В памятниках монастырской деловой письменности частотны личные имена, формально тождественные нарицательным прилагательным: *Волосатой* (Гридя *Волосатой* – АСВР 2, 263, 1482–1484 гг.), *Белой* (Конанко *Белой* – АСВР 2, 36, 1397–1427 гг.), *Толстой* (АСВР 2, 303, 1500/01 гг.), *Погожою* (Михайло *Погожою* Васильевъ сынъ – АСВР 2, 284, 1492 г.), ср. *погожий* 'красивый' калуж. [СРНГ 27, 301] и т.д. Модифицированные личные имена-прилагательные представлены незначительным количеством суффиксальных образований с формантом *-к(о)*: *Лысько* (Иван князь Иванов сынъ Согорьского *Лысько* – АСВР 2, 284, 1492 г.), *Глушко* (*Глушкова* деревня – АСВР 2, 253, 1479 г.), *Сушко* (*Сушково* земля – АСВР 3, 272, 1497 г.).

Личные имена, морфологически подобные порядковым числительным, не зафиксированы в исследуемых текстах. В памятниках монастырской деловой письменности отмечены суффиксальные производные с формантом *-ак*: *Шестак* (деревня *Шестаково* – АСВР 2, 184, 1460), *Третьяк* (Семен *Третьяков* – АСВР 2, 185, 1492 г.), а также антропоним, возникший в результате вторичной модификации онимизированного числительного: *Третьячко* (*Третьячко* Маковъ – АСВР 2, 260, 1482 г.). Интересно отметить, что личные имена-числительные *Шестой*, *Третий* а также их модификаты *Шестак*, *Третьяк*, *Третьячко* были широко распространены в памятниках письменности Северо-Восточной Руси XV–XVII вв.

В исследуемых текстах особенно продуктивны личные имена, формально тождественные нарицательным существительным: *Мямя* (Нестерко *Мямя* – АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), *Варакса* (Сергей *Вараксин* – АФЗХ, 288, 1495–1511 гг.), ср. *варакса* 'неряха; пачкун, пачкунья' (СРНГ 4, 43), *Белава* Якимов (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 г.), *Волк* (АСВР 2, 5, 1397–1410), *Ворон* (АСВР 2, 5, 1397–1410 гг.). В исследуемых текстах отмечены аффиксальные образования от личных имен данного типа с суффиксом *-к(о)*: *Зубко* (АСВР 2, 31, 1397–1427 гг.), *Гласко* (АСВР 2, 229, 1475/76 гг.).

Личные имена, совпадающие с именами нарицательными, были продуктивным типом антропонимов в конце древнерусского, а также в старорусский период. Ряд отмеченных в исследуемых текстах антропонимов, структурно равных апеллятивам, являются именами с общерусскими основами: *Рука* – Иван *Рука* (АСВР 2, 33, 1397–1427 гг.), *Язык* – *Язык* Мошна (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.). Однако большая часть антропонимов, морфологически подобных именам нарицательным, с точки зрения территории их распространения являются локальными, диалектными образованиями.

Реконструированные на основе некалендарных личных имен апеллятивы, относящиеся к региональной лексике древнерусского языка, представляют ценность для этногенетического исследования антропонимической системы Белозерского края. Восстановленные имена нарицательные соотносятся с апеллятивами разных по территориальной принадлежности современных говоров. Значительный пласт диалектных основ, положенных в основу антропонимов, имеет соответствия в лексике северо-западных диалектов: *Шишма* (*Шишма* Тронин – АСВР 2, 296, 1496–1505 гг.) – *шишмонить* нвг. 'шалить, баловаться, играя проказить' [Даль 4, 636], *Пазила* (*Пазиловская* земля – АСВР 2, 272, 1497 г.) – *пазила* 'крикун, горлопан' Новг. [СРНГ 24, 145], *Матур* (деревня *Матуринская* – АФЗХ, 283, 1475 г.) – *матуриться* 'издеваться' Новг. [СРНГ 18, 38].

Необходимо отметить, что многие некалендарные личные имена, представленные в памятниках письменности Белозерья конца XIV–XV вв., и новгородские антропонимы, зафиксированные в Новгородских писцовых книгах, восходят к одним и тем же апеллятивам: *Перебать* – *Перебатинская* земля [АСВР 2, 264, 1482–90 гг.], *Перебать* Кузьма [НПК, 965], *Шукля* – деревня *Шуклино* [АСВР 2, 290, ок. 1492 г.], *Шукля* [НПК, 405], *Щель* – пожня *Щелитиньская* [АСВР 2, 168, ок. 1455–75 гг.], *Щелепин* Петр [НПК, 96], *Пархач* – *Пархачевская* земля [АСВР 2, 264, 1482–90 гг.], *Пархачев Якуш* [НПК, 64, ок. 1420х – 30х гг.] и т.д.

Часть апеллятивов, реконструированных на основе антропонимов, соотносится с лексикой северо-восточных говоров – вятских, пермских, нижегородских, костромских, владимирских, ярославских, вологодских:

Ошомок [АСВР 2, 34, 1397–1427 гг.] – *ошомок* 'человек маленького роста' Волог., Костром. [СРНГ 25, 95], *Бобоша* (Гридя *Бобошин* – АСВР 2, 297, 1498/99 г.) – *боботать* 'говорить невнятно, неразборчиво' [СВГ 1, 34], *Бушман* (Ивашко *Бушман* – АСВР 2, 290, 1492 г.) – *бушма* 'полный, неповоротливый человек' Влад., Симб., Перм. [СРНГ 3, 333], *Ковеза* (Степанко Стручък Ивановъ сынъ *Ковезин* – АСВР 2, 308, 1503–04 гг.) – *ковезить* 'дурачиться, шалить' Нижегород., 'ломать' Перм. [СРНГ 14, 28] и т.д.

В антропонимии Белозерского края заимствования представлены именами тюркского происхождения. Необходимо разграничивать собственно ономастические и апеллативные заимствования. В первом случае заимствуется тюркское личное имя: *Булгак* Фролов сын [АСВР 2, 265, ок. 1440–50х гг.], *Долмат* (Василей *Долматов* – АСВР 2, 247, 1476–82), *Алабыш* (Федор Федорович *Алабыш* – АСВР 2, 332, ок. 1490–92 гг.), *Беклемиш* (Микита *Беклемишов* – АСВР 2, 229, 1475/76 гг.). Во втором – апеллатив, который в дальнейшем подвергается процессу онимизации: *Ярлык* (*Ярлык* – АСВР 2, 93, ок. 1430х–40х гг.), ср. *ярлык* 'ханская грамота' заимств. из тюрк. [Фасмер 4, 561], *Бачман* (*Бачмановская* пустошь – АСВР 2, 323, 1448 г.), ср. *басман* от *басма* 'металлическая оправа икон' заимств. из тюрк. [Фасмер 1, 131]. Личные имена, возникшие в результате онимизации апеллатива тюркского происхождения, относятся к группе имен, формально тождественных нарицательным существительным.

Изучение личных имен тюркского происхождения может дать ценные сведения по истории региона. Как известно, Белозерье не подверглось монголо-татарскому завоеванию. Тюркские личные имена отсутствуют в новгородской антропонимии, заимствования в берестяных грамотах представлены личными именами прибалтийско-финского происхождения. Следовательно, появление тюркских личных имен в антропонимии Белозерского края может быть обусловлено влиянием ростово-суздальской антропонимии. При этом нельзя исключать, что появление данных личных имен в памятниках конца XIV–XV века может быть связано с пребыванием на территории Белозерского края представителей ханской власти, сборщиков дани, новокрещенных мусульман.

Некалендарные личные имена памятников деловой письменности Белозерья конца XIV–XV века отличаются структурным разнообразием. В исследуемом материале выявлен ряд признаков, сближающих систему личных имен монастырских актов с антропонимией новгородских берестяных грамот. Анализ личных имен, отмеченных в памятниках XIV–XV вв., еще раз убеждает в том, что антропонимы являются ценным источником сведений по истории заселения региона.

Литература

Вуйтович М. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь. Познань, 1986.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004.

Роспонд С. Структура и классификация восточнославянских антропонимов // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3-22.

Смальников С. Н. Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVII в. (на материале памятников местной деловой письменности): Дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 1996.

Чайкина Ю. И. Мужские некалендарные личные имена в русском языке XI – XIV вв. (на материале новгородских берестяных грамот) // XVII Ломоносовские международные научные чтения. Вып. 1. Архангельск, 2005. С. 120-128.

Источники

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 2, 3. М., 1958.

Арх. еж. – Грамоты XIV – XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. М., 1970.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. 1. М., 1951.

НПК – Новгородские писцовые книги: Указатель. СПб, 1915.

Словари

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. Вологда, 1983-2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-43. М., Л., СПб., 1965-2010.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 2003.

В.С. Картавенко
(Смоленск)

О РЕГИОНАЛЬНОЙ МИКРОТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (диахронический аспект)

Региональная микротопонимическая система подчиняется тем же законам и правилам построения, что и топонимическая система, однако имеет и некоторые свои особенности.

Топонимическую систему традиционно рассматривали и рассматривают как «совокупность топонимов определенной территории, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями, совокупность